

НАЧИНАЛОСЬ ЗДЕСЬ...

Продолжение.
Начало см. в Начале см. в № 43,
45-2023г, 2,3,4-2024г.

В ноябре 1949 года «Литературная газета» писала: «Нефтяники Азербайджана вышли в море. Открыта новая страница в славной истории старейшего нефтяного района – Баку. Реальностью стало то, что еще недавно было мечтой. Нефтяные сокровища, навеки, казалось, спрятанные от человека под штормовыми водами Каспия, отныне поставлены на службу Родины! Увлекательным предстает перед энтузиастами нового дела будущее Баку!...»

Пока шло бурение первой скважины, морские строители не теряли времени даром. Неподдалёку среди волн утвердились стальные балки «табуретки» – основания конструкции Л.А. Мехлумова, С.А. Оруджева и Ю.А. Сафарова.

Ставила буровую на «ноги» бригада монтажников Стецюхи, руководимая Захаровым. Сроки поджимали. Аргетат, вращательного бурения, с помощью которого готовили шурфы для свай, то и дело выходил из строя. Частый ремонт «сёдал» ускорение, достигнутое при монтаже ферм. Следуя почину бурового мастера Петра Трокова из Конторы морского эксплуатационного бурения Сталинского района Баку, в строительстве вышек и монтаже оборудования принимали участие и проходчики недр. Помощь буровиков оказалась столь эффективной, что бурение второй скважины начали даже раньше, чем намечали – 19 декабря. Однако хозяевами основания стали не каверочкинцы. Сформированную бригаду возглавил по рекомендации мастера его известный ученик Курбан Абасов. Сам Каверочкин с товарищами остался на прежней буровой, где также приступил к бурению нового ствола. Произошло следующее. В процессе проходки скважины №1 геологи наметили ещё несколько точек под буровые. На втором основании работы начались незамедлительно. Однако ни сил строителей, ни транспорта не хватало для того, чтобы параллельно ставить третий стальной островок. Предполагаемый объект располагался метрах в 300 от первой буровой. И тогда у Михаила Павловича возникла идея не дожидаться, пока строители соорудят там основание с вышкой, а бурить скважину с уже обжитой скалы турбобуром, с наклоном к заданной точке. Так и сделали, лишь передвинув вышку на несколько метров к краю площадки.

Сменный мастер Каверочкин – также старый буровик Яков Николаевич Фофанов в своих записках указывал, что новая буровая оказалась сложнее первой: нефть рвалась из потрошенных недр, глинистый раствор постоянно «вскипал» пузырьками газа и его все время утяжеляли гематитом. Но и тут бригада осталась верна себе: обзавелась норвоститу скважину, завершила её с ускорением.

Проходка второго и третьего стволов пришлась на суровую зиму 49-50-х годов. Буровикам Абасова приходилось ещё ту же – их буровая была открыта всем ветрам и волнам, так как притопленные корабли не могли прикрыть отстоящее в стороне основание в нужной мере. На 800-метровой отметке ствола в скважину престал поступать раствор. Случилось это ночью, и в суматохе не сразу разобрались, что ударом штормовой волны просто-напросто... оторвало и унесло громадный чан с раствором. 14 тонн смеси «ушли» на дно. На берег полетела тревожная радиопрограмма. Назавтра, рискуя выйти в непогоду, моряки доставили новое ёмкостью. Её закрепили ещё прочнее, чем прежде, для верности дополнительно привязав тросами. Море же решило стоять на своём. Ещё два чана бесследно исчезли в бушующих волнах. Абасов был вне себя: летел к чёрту все грабли проходки, люди выматывались на тяжёлой вахте, а тут ещё этот бесконечный монтаж чанов, которые, в конце концов, тоже не копейки стоят.

Постояв на площадке основания, под которой, рассерженно шипя, перекачивались чёрные волны, он понял, что суще-

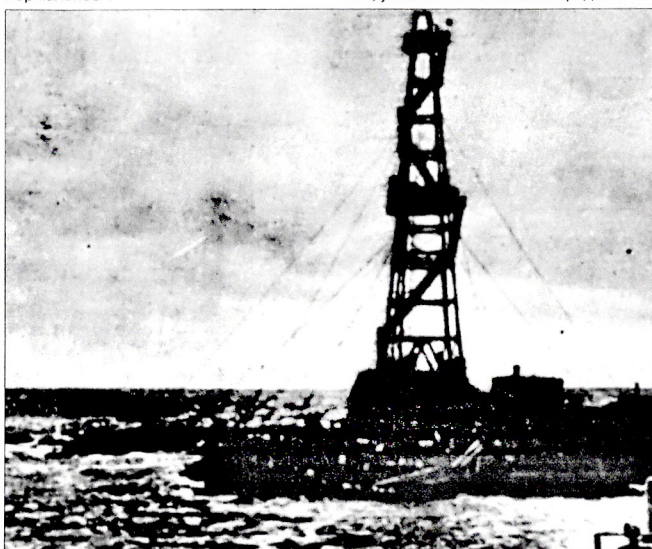
ствующая схема установки оборудования не учитывает условий моря.

— Чаны должны крепиться не на площадке, а на специальной подвеске, – советовался он по радиотелефону с инженером Конторы. – Вопрос: как установить их?

— На досках, – последовало предложение.

— Не выдержат, вот если бы трубы... Сделать сквозные опоры и приварить к основанию...

Расчёт молодого мастера оказался верным, и после установки чанов по его чертежу бурение продолжалось уже без перебоев. В ночь с 24 на 25 января неутраченный норд принёс сильный снежный заряд. Метель накрыла непроглядной пеленой обе буровые. Порой в белой круговерти стоящие на площадках не видели даже верхушек вышек. На берег же по-прежнему шли бодрые сообщения: «Идём по графику. Настроение нормальное».

Вторая и третья скважины, пробуренные Абасовым и Каверочкиным, дали нефть в первой половине 1950 года. Параметры этих и других разведочных скважин были настолько результативными, что в конце того же года Совет Министров разрешил начать разработку месторождения Нефтяные Камни.

«Ещё до последнего времени разработка богатейших нефтяных месторождений, залегающих под дном Каспия была одной из наиболее сложных технических проблем, – подчеркнул в своём докладе на состоявшемся в том же году первом Всесоюзном совещании новаторов нефтяной промышленности министр Н.К. Байбаков. – Усилиями советских людей эта проблема решена. В прибрежной полосе и в открытом море создаются нефтяные промыслы, полностью обустроенные для нормальной эксплуатации скважин. Это – образец высокой технической культуры»...

Летом 1951 года с поезда «Москва – Баку» на перроне Бакинского вокзала сошёл невысокого роста коренастый мужчина. На ладане строгого, видно, парадного костюма сверкал в лучах июньского солнца новенький орден Ленина.

— Михаил Павлович! – окликнул мужчину стоявший в толпе встречающий фотокорреспондент Соломон Кулишов. – Поздравляю с орденом! Давайте, щёлкнём на память...

Каверочкин сниматься не любил, как ни просил Кулишов, бодрого выражения героя у него не получалось. Щёлкнул затвор, и кадр запечатлел мастера таким, каким привыкли его видеть все, кто знал: спокойным, с мягкой улыбкой на удивительно добром лице. Даже в вокзальной толчее его узнавали многие. Здоровая-

лись, поздравляли, приглашали в гости. Из здания вокзала Каверочкин вышел в окружении группы друзей.

— Всё, ребята, вечером жду у себя! – прощался он с ними.

На тихой улочке посёлка Монтина, где жила семья Каверочкиных, о появлении Михаила Павловича узнавали по тому весёлому шуму, который его всегда сопровождал. Вот и на раз пока чета дошла до своей калитки, она оказалась в кольце соседей. Вопросы о поездке, о Москве сыпались один за другим. Воспользовавшись суматохой, мастер предоставил жене отдуваться за двоих, а сам, прихватив сумку повсеместительной, помчался на близкий базар. Хождение по рынку, выбор продуктов – так называемый «базарный» – был любимым занятием Михаила Павловича. Знакомые продавцы приветствовали его громкими возгласами, звали прицениться. Возле одного из рундуков стоял смуглый горбоносый паренёк в кепке и, указывая на стоявший перед ним по-

левый борт, которым швартовался к основанию. Матрос и нефтяники ухватились за что попало, чтобы не свалились с почти вертикальной палубы. Каверочкин же быстро подскочил к кнехту, освободил канат и катер отлетел в сторону, приняв нормальное положение. Михаил Павлович, будто ничего и не произошло, невозмутимо отошёл на бак, слегка морщась от боли – задел повреждённую руку. На Нефтяных Камнях мастер задерживаться не рассчитывал. Но новость, которую сообщили в конторе, заставила переменить планы. В этот день промысел ждал первый танкер, который должен был открыть дорогу морской нефти на материк.

... 18 февраля 1951 года капитан нефтеналивного танкера «Мартин» Гусейнбала Алиев вывел судно из Бакинской бухты и взял курс на Нефтяные Камни. Команда знала о почётном поручении и восприняла его с большим подъёмом и радостью. Погода отнюдь не благоприятствовала морякам. Но, невзирая на усиливавшуюся штормовую, команда предпринимала всё, чтобы выполнить ответственную задачу. Под руководством старпома А. Туровича, старшего механика К. Канаева в течение всего рейса экипаж обеспечивал бесперебойную работу механизмов.

Вдали показались отдельные основания, к одному из которых предстояло причалить. Судно сбавило ход – фавартер в районе Нефтяных Камней ещё не был как следует изучен, изобиловал мелями. Соблюдая все меры предосторожности, боцман А. Белов, матрос В. Холодный и другие произвели швартовку. Трудность состояла в том, что основание, где были установлены четыре шестистотенных резервуара, не имело оборудованного причала, швартовых тумб. Канаты приходилось крепить прямо за сваи. Чётко действовали и нефтяники. Вот уже потянулись через борт танкера толстые чёрные шланги. Мгновение – и потоки нефти хлынули в танки «Мартин». В группе свободных от вахты буровиков и добытчиков – виновников этой торжественной минуты, раздались аплодисменты и радостные возгласы.

Чуть поодаль, опершись о поручни ограждения площадки, стоял и Каверочкин, молчаливо наблюдавший за тем, как борется судно с волнами, относившими его от основания.

... Пихнув в сердцах в карман полуценный в поликлнике больничный лист, Михаил Павлович пришёл домой не в настроении. Их пёс – красивая восточно-европейская овчарка, почуяв это, не бросился, как всегда, ему на грудь, а смиренно сидел у двери, глядя на хозяина умытыми глазами.

— Ничего, Пальч, отдохнёшь немного от своего моря, – урезонивала Мария Васильевна мужа, ворчавшего о врачах-перестраховщиках...

На третий день Михаил Павлович скис окончательно. Не помогли ни любимые книги, ни патефон с Дунаевским. Даже футбол, до которого Каверочкин был большой охотник, лишь ненадолго отвлек его от мыслей.

— Поверишь, кусок в горло не лезет, – жаловался он жене. – Всё думаю, как без меня ребята. Даже ночью снится, что у тормоза стою.

Громко застучали в окошко, затем забарабанили в дверь.

— Радио... Радио включайте! – затарахтела соседка. – Там о ваших Нефтяных Камнях говорят.

«За достигнутые успехи в открытии и освоении морских нефтяных месторождений Азербайджана, – заполнил комнату голос диктора, – большой группе рабочих, инженеров, учёных республики присуждена Сталинская премия первой степени. Среди удостоенных высокой награды Родины товарищи Ага Курбан Алиев, Курбан Абасов, Михаил Каверочкин, Насрулла Бабаев, Александр Камладзе, Соломон Гробштейн, Левон Межлумов, Виктор Ногоев, Сабит Оруджев, Юсиф Сафаров, Ахад Якубов...»

На сцене: первая буровая на Нефтяных камнях, 1949 год.

Продолжение следует.